

УДК 07

Родина В.В.

Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Калининград»
236006, Калининградская обл., г. Калининград, ул. Клиническая, д. 19, Российская Федерация

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются особенности формирования концепта «промышленность» в советской литературе. Анализируя сюжеты строительства крупных промышленных гигантов, покорения природы, автор определяет характеристики, которые используются для формирования художественного образа промышленности. В статье заключается, что тема промышленности в советской литературе формирует не только фон, но и одну из главных сюжетных линий. Автор констатирует изменение образа промышленности в советской литературе: от героизации промышленной политики государства до наполнения её негативными характеристиками в поздних советских произведениях (и отрицания в деревенской прозе). Советский дискурс, сначала способствующий концептуализации образа промышленности, в итоге стал ограничивать его развитие и не способствовал наполнению дополнительными аксиологическими характеристиками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

промышленность, литература, производственный роман, экология, научно-художественная фантастика, концепт, дискурс.

V. Rodina

Journalist of the state television and radio company "Kalininrad",
19 Klinicheskaya ul., Kaliningrad, 236006, Kaliningrad region, Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT "INDUSTRY" IN THE SOVIET LITERATURE

ABSTRACT

The article investigates the features of the formation of the concept "industry" in Soviet literature. Analyzing the subjects of the construction of large industrial giants, the conquest of nature in Soviet literature, the author defines the characteristics that are used to shape the artistic image of industry. It is concluded that the theme of industry in Soviet literature forms not only the background, but becomes one of the main plot lines. The author notes a change in the image of industry in Soviet literature: from the heroization of the state's industrial

policy to filling it with negative characteristics in late Soviet works (and the denial in village prose). Soviet discourse, first promoting the conceptualization of the image of industry, eventually began to limit its development and did not contribute to filling with additional axiological characteristics.

KEY WORDS:

Industry, literature, industrial novel, ecology, science fiction, concept, discourse.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»

Ключевые параметры образа российской промышленности были сформированы в XX в. в период ускоренной индустриализации. На появление различных дефиниций данного концепта повлияли не только государственная промышленная политика и общий идеологический фон, но и существующий культурный дискурс. До эпохи масштабного развития информационного общества личность испытывала на себе сильное влияние литературных произведений. В макросоциальном плане они всегда накладывали свой отпечаток на общественное мнение, на формирование ценностных установок в обществе. Помимо государственной информационной политики и действующей на тот момент мощной пропагандистской машины огромное значение на умы и пристрастия людей оказывала именно литература, у неё был высокий статус влияния как инструмента идеологического воздействия.

Поскольку одной из задач литературы является выполнение социокультурного проектирования, анализ дискурса литературных произведений, объединённых определённой эпохой, способен показать, какие социокультурные коды формировались в сознании людей, а также рассмотреть концепты как понятия, которые имеют не только особое содержание, но и особую сферу бытования.

Как писал М.М. Бахтин, не следует писателю игнорировать эпоху, она «сохраняет для его произведения всё своё огромное и во многих отношениях решающее значение» [2].

Автор как носитель и как представитель языка и культуры является воспринимающим сознанием ту окружающую его информацию, которая кодируется в языковом концепте и носителем которой он (концепт) является. На этом этапе концепт для художника – абсолютно объективная величина, а концептосфера – это движущаяся, саморазвивающаяся совокупность смыслов концепта (концептов) [1, с. 654].

В советской литературе такое значение имела тема промышленного развития нового государства, она стала сопутствующим социокультурным элементом при создании литературного произведения.

По нашему мнению, темы индустриализации, покорения природы, масштабных промышленныхстроек, формирования положительного образа ра-

бочего наиболее широко и объёмно были представлены именно в советской литературе. Советская эпоха подарила множество художественных образов промышленного развития страны. Концепт «промышленность» стал не просто языковым, но перешёл в единицу его художественной философии.

Производственный роман и произведения научно-художественной фантастики стали примером, романтизирующим бескорыстный жертвенный труд, на страницах произведений появился герой-энтузиаст, который создавал мощную промышленную базу. Героизировался подвиг рабочих ради достойной жизни будущих поколений. Становление жанра сопровождалось созданием ярких, положительных образов рабочих, которые стояли у истоков создания крупных промышленных гигантов, социальный пафос являлся неотъемлемой частью таких литературных произведений. Коммуникативные коды и семантические значения, способствующие концептуализации понятия «промышленность», были в публичном дискурсе сформированы именно советской литературой.

Культ строительства индустриальных гигантов был настолько велик, что промышленные объекты приравнивались к произведениям искусства, завод или фабрика становились не просто символами, а элементами культуры. Пролеткультовский теоретик Осип Брик даже подчёркивал, что «роль автора в его произведении не больше роли мастера, работающего на металлургическом заводе» [3, с. 25].

Тема труда, индустриализации, промышленного созидания являлась одной из ключевых тем советской литературы, символами эпохи стали электричество, сталь, заводы. Эти новые промышленные образы настолько поглощают внимание писателей, что в переписке с М. Горьким М. Пришвин пишет: «Дошло до того, что и сам я, наконец, стал подумывать о ничтожестве зайцев и птиц в плане грандиозного строительства» [10, с. 360].

Завод, фабрика, шахта, рабочая среда, повседневная жизнь рабочего коллектива наиболее часто отображались в книгах советских писателей. Ключевая фабула романов строилась вокруг запуска крупного промышленного объекта, индустриального предприятия, электростанции, завода, масштабной стройки, колхозного строительства.

Например, В.В. Маяковский, увлечённый рассказом своего друга, участника строительства Кузнецкого металлургического комбината, написал стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»:

Но шепот
громче голода -
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года

здесь
     будет
                 город-сад!
 Здесь
     взрывы закудахтают
 в разгон
     медвежьих банд,
 и взроет
     недра
                 шахтою
 стоугольный
                 «Гигант».
 Здесь
     встанут
                 стройки
                         стенами.
 Гудками,
     пар,
                 сипи.
 Мы
     в сотню солнц
         мартенами
 воспламеним
         Сибирь [18].

Удивительна метаморфоза: если в 1911 г. Александр Блок в поэме «Возмездие» обличает бесчеловечный и жестокий железный век, то в послереволюционной России образ «человека из железа» становится каноническим. В сборнике стихов «Поэзия рабочего удара» (1918) Алексей Гастев написал: «У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. Я слился с железом постройки» [8, с. 19].

В жанре производственного романа было создано много удачных литературных произведений, среди них: «Василиса Малыгина» (1923) А. Коллонтай, «У станков» (1924) А. Филиппова, «Доменная печь» (1925) Н. Ляшко, «Домна» (1925) П. Ярового и «Стройка» (1925) А. Пучкова, «Цемент» (1925) и «Энергия» (1933) Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» (1931) М. Шагинян, «Ведущая ось» (1931) В. Ильенкова, «Кара-Бугаз» (1932) и «Колхида» (1932) К. Паустовского, «Время, вперёд!» (1932) В. Катаева, «Большой конвейер» (1934) Я. Ильина, «Танкер Дербент» (1938) Ю. Крымова.

Становлению производственного романа способствовало открытие в 1922 г. издательств «Земля и фабрика», «Гостехиздат», «Рабочая библиотека», которые положили начало массовому изданию литературы, воспевающей индустриализацию.

Аудитория этой литературы была вполне чётко очерчена. Её портрет следующий: тридцатилетний рабочий, прошедший гражданскую войну, не имеющий хорошего образования, воспитан на газетных заметках, верит в силу победившего Октября.

Свобода и жизненная сила советского гражданина должны были быть сосредоточены в труде, и потому творческая интеллигенция создаёт целый ряд произведений на эту тему [16, с. 92].

Именно отношение к труду становится мерилем моральных качеств человека, переломным моментом в биографии героев, фактором воспитания человека, его духовного раскрепощения, формирования его характера.

Отражение темы промышленности в советской литературе было непосредственно сопряжено с развитием индустриализации и мощным промышленным обновлением страны. Фактически за Октябрьской революцией проходила промышленная.

Тема промышленности формирует не только фон, но и одну из главных сюжетных линий, призванную показать, что новый тип современного человека-пролетария способен построить мир, воплотить утопию в жизнь. Налицо метафора: повествование о социалистическом строительстве становится рассказом о рождении личности нового времени.

Так, например, произведения К. Паустовского «Кара-Бугаз» и «Колхида», которые были включены в контекст так называемого производственного жанра, проникнуты пафосом преобразования. Герои повестей бросают вызов природе, стремясь создать новую действительность. «Экскаваторы шаг за шагом врезались в легендарные земли Вану, рвали лианы, вычерпывали озера вместе со смуглыми, золотыми сазанами, гнали к морю кабанов и нутрию и оставляли за собой глубокие рвы» [23, с. 527, 528]. «Трест “Карабугазсульфат” пришёл как полномочный хозяин. Он включил Кара-Бугаз в общий план индустриализации восточных окраин, в смелый план завоевания пустынь» [23, с. 492].

Герои Паустовского стремятся не уехать из бесплодных районов, а изменить природу, превратить пустынный край в процветающий. «Комбинат нанесёт пустыне смертельный удар. Добыча воды, нефти, разработка угля создадут вокруг комбината оазисы, откуда начнется планомерный поход на пески. Оазисы будут расти, пески отступать, и край, потерявший воду, отнимет её у пустыни обратно. А при наличии воды эту землю, залитую солнцем, можно довести до неслыханного расцвета» [24, с. 392].

Большую поэтичность и окрылённость, чем в литературе предшествующих лет, приобретает тема созидательного, творческого труда, без которого немислимо существование человека социалистической эпохи. Картины труда приобретают особую окраску. «Это – труд, близкий к художественному творчеству, это – труд артистический» [22].

В литературе появляются новые герои и характеры: рабочие, трудящиеся. В журнале «Наши достижения» М. Горький писал: «... никогда ещё в мире,

за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян» [28, с. 114].

Основной мотивацией героев становится вовлечение в масштабные производственные стройки. Самореализация связана с профессиональной деятельностью, сопровождается чувством личной сопричастности к великому строительству. Самооценка литературного героя определяется его участием в рождении индустриального детища. В этот период появилось большое количество героев-энтузиастов: советский шахтёр, новатор угольной промышленности Алексей Стаханов и Пётр Кривонос стали инициаторами стахановского движения, участники которого достаточно часто становились героями литературных произведений.

Важной художественной особенностью раннего производственного романа, к которому можно отнести «Гидроцентрали», и «Большой конвейер», и «Время, вперёд!», являлся, по мнению советских литературоведов, недостаток психологичности. Захваченные исключительными темпами, гигантскими масштабами развернувшихся по всей странестроек, индустриальным «пейзажем», влюблённые в «громადьё» планов уже менее напряжённо вглядывались в человека, творца всех этих чудес на земле, мало интересовались его внутренним миром, его глубинными переживаниями, мыслями, настроениями. «Человеческая личность, взращённая социалистическим строем, человек-труженик во всём великолепии его человеческих качеств ускользал от проникновенного взора художника, любующегося главным образом плодами трудов человека» [22].

«Заговорил Гранатов. – “Я вас спрашиваю, разве можно перестроить жизнь без жертв? Мы должны строить в легендарно короткие сроки. И надо иметь мужество, сказать самому себе, да, будут жертвы! Да, этот город вырастет на костях. Партком должен понять, главное – это корабли. Корабли, а не люди. И мы должны пойти на любые жертвы, но в кратчайший срок построить завод”» [14, с. 162, 163].

Формируется новая система ценностей героев, а именно покорение природы, участие в стройках века, достижения в промышленном развитии. Сила воли и духа, творческая энергия становятся ведущей характеристикой портретов героев советской литературы. «Ребята! Комсомольцы! Что же вы голову повесили! Вспомните Пашу Матвеева, – у него была цинга, он вечером лежал, отдышаться не мог, а на работе был первым, и на каждый случай у него находилась шутка! А всё потому, что он мечтал о комсомольском городе, хотел построить его» [14, с. 175]. Волевая одержимость героев доходит до фанатизма.

Героический социальный пафос становится основной чертой производственного романа.

Герои ставят общественное благо выше собственного, ради коллектива рискуют своей жизнью, отказываются от семейного счастья ради индуст-

стриального развития страны, проводят дни и ночи на производстве. Так, например, роман «Как закалялась сталь» – это зеркало эпохи, отразившее энтузиазм социалистического строительства. Ключевым эпизодом книги стало строительство узкоколейки, позволяющий спасти город от гибели. «Так шестьдесят миллионов, составляющие великий народ, ставший впервые в мире хозяином своей необъятной земли и её несметных природных богатств, в труде героическом и напряженном возрождали разрушенное войной народное хозяйство. Страна крепла, наливалась силой, и уже не видно было бездымных труб еще недавно безжизненных и угрюмых в своей заброшенности заводов» [21, с. 250].

Понятие дома, личного пространства в советской литературе расширяется до масштабов стройки, а понятие семьи – до понятия коммуны. Герои литературы рассматриваются прежде всего в свете их рабочих функций. Главной личностной чертой персонажа является рабочий энтузиазм. Например, в письме американского инженера Джима своей жене из романа «Время, вперед!» В. Катаева сообщается: «Как я здесь живу? Живу довольно странно. Атмосфера, в которой мы работаем, мало походит на ту рабочую обстановку, к которой мы привыкли в Америке. И работа мало походит на работу у нас. Здесь её называют ударной работой. Атмосфера героического азарта, что-то среднее между спортивным соревнованием и крупной игрой» [29, с. 280].

Советские писатели стремились показать коренные изменения в сознании людей, участвующих в масштабном социалистическом строительстве.

Это особенно ярко отражено в таких произведениях, как «Энергия» (1933) В.Ф. Гладкова, «Дорога на океан» (1936) Л. Леонова, «Люди из захолустья» (1937) А.Г. Малышкина, «Мужество» (1948) В. Кетлинской, «Горячий цех» (1939) Б. Полевого, «Танкер Дербент» (1938) Ю. Крымова.

Так, в романе «Люди из захолустья» автор показывает, как меняется психология рабочих, которые находят себя в общей работе, начинают относиться к строительству как к своему личному, близкому им делу. М.И. Калинин дал высокую оценку книге А. Малышкина, считая главным достоинством её то, что в ней «удивительно конкретно, в соответствии с жизненной правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках» [13, с. 90].

В романе Ф. Гладкова «Энергия», как говорил главный герой этого произведения, строят не только плотину, но и жизнь высшего качества. Писатель поднимал широкий круг сложнейших проблем социалистического строительства. «Борьба со стихийными приливами и отливами рабочей силы, организация партией трудового подъёма масс, овладение современной техникой, рождение соревнования и ударничества ... – всё это многообразие жизненного материала было охвачено в романе» [22]. Тем не менее это проходит неким фоном, автора интересует прежде всего жизнь простых людей, как они преодолевают трудности, как ищут пути к победе.

В повести Ю. Крымова проиллюстрирован подвиг самопожертвования, центральным персонажем которого выступает коммунист Басов, который радеет за повышение производительности труда. Идея и пафос книги Крымова связаны не только с использованием скрытых возможностей техники, но одновременно – и это самое важное – с борьбой за скрытые возможности человека. «...Нет границ человеческим возможностям» – эта фраза, произнесенная одной из героинь повести, может служить своего рода эпиграфом ко всему произведению Крымова, являющемуся реализацией этой мысли. Вот почему история танкера «Дербент» не оканчивается рассказом об удачном стахановском рейсе, о победе новаторов производства. Вот почему одна из последних глав «Остров Чечен» «повествует о победе нравственного начала в обновленном коллективе, совершающем героический подвиг» [22].

«Идея труда как всеобъемлющего творчества жизни, как украшения жизни, духовного распрямления человека, как завоевания подлинного большого, счастья – одна из ведущих идей литературы 30-х гг.» [22].

Советская литература не только выступает как зеркало действительности, но и начинает проявлять мощный пропагандистский элемент. Она призвана сформировать не только новую советскую культуру, но и ценности, мировоззрение, объяснить целесообразность индустриального строительства.

Советские писатели в своих произведениях разъясняют задачи, стоящие перед обществом. С этой целью они выезжают на большие стройки, живут с рабочими в общежитиях, фиксируют все детали их жизни.

Литературный герой становится средством воздействия на общественное сознание: «изображая передовых людей, искусство создаёт образцы поведения» [27, с. 205]. Герой соцреализма обрастает положительными качествами, его характер формализуется, происходит депсихологизация портрета, ориентация на плакатность. Отсюда берёт начало представление о положительном герое соцреализма как о психологически однолинейном [7, с. 59].

КРИЗИС ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА

Поиск жанровой формы литературного портрета эпохи промышленно-го развития проходил непросто. Наблюдалась попытка изобразить действительность со всеми документальными нюансами. Сложно не согласиться с автором следующих слов: «По мнению большинства противников “колхозно-производственной темы”, недостаток соответствующих произведений состоял “в излишке производства”. В ходе развития подобного сюжета герой покидает свое рабочее место лишь три раза, в другом произведении он вообще днюет и ночует у токарного станка. Значение книг такого рода было чисто прикладным: порой доказывались технические достоинства новых методов труда с точки зрения эффективности производства. Однако производственные проблемы исключали проблемы человеческие, человек показывался зачастую как иллюстрация производственно-общественной функции; забы-

вались или умалчивались социальные, нравственно-психологические вопросы» [20, с. 138].

В производственном романе наблюдаются также элементы журналистского очерка, чрезмерная публицистичность приводит к тому, что он становится крайне чувствительным к идеологической конъюнктуре эпохи. В результате конфликт в производственном романе строится не на психологических противоречиях между людьми, а на идеологических противостояниях: новатор – консерватор, советская плановая экономика и западная рыночная модель, строители коммунизма и враги народа. Намечаются размытость композиции, изобилие нефункциональной детализации, описательность вместо действия. А. Янов пишет: «В жизни конфликты существовали, а в производственном романе – нет. В результате, жизнь оставалась драматичной, а производственный роман – не жизненным» [29, с. 232].

Развитие жанра осложняется ещё и тем, что наблюдаются дефицит психологизма главных героев, механистичность в их отражении. Во многом это можно объяснить тем, что схематизация в изображении героев связана с идеологическими установками, согласно которым «психологизм» и «буржуазность» мыслятся тождественными [9, с. 39]. Например, характерный для того времени комментарий делает А. Гастев: «Будущее – царство вещей, людей-автоматов. Там будут лица без экспрессий, душа, лишённая лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром» [9, с. 43].

В результате советский читатель получает эмоционально яркого, со звучного ценностям времени, но не всегда достоверного героя с близким психологическим портретом.

Советские писатели рассматривают человека преимущественно в свете его рабочих, трудовых функций, а его внутренний мир остаётся вне поля зрения или отходит на задний план. Положительный герой обладает полезными социальными функциями, но его общечеловеческие качества остаются за скобками. Нельзя не согласиться с мнением исследователей: «...в большинстве своем литературный портрет оказывался либо ярким, но не реалистичным (плакатные, созданные на социальном пафосе мифологизированные по лекалу Данко и Прометея герои), либо реалистичным, но неярким» [7, с. 61].

Ответственность за формализацию характера героя производственного романа лежит не только на советских писателях. Общий фон литературного творчества задавался не столько художественными принципами, сколько идеологическими факторами. Например, советский критик А. Хватов пишет: «Задача подлинного искусства – показать советского человека, нашего современника во всём блеске и благородстве его мыслей и чувств, изобразить его яркую и сильную натуру, не оскорбить его красоту крохоборческим фиксированием мелких изъянчиков, которые якобы призваны сообщить ему черты неповторимого своеобразия» [27, с. 204].

Таким образом, концептуальное пространство индустриализации в советской литературе постепенно сужалось и формализовалось под внешними факторами воздействия, прежде всего связанного с состоянием самого культурного дискурса. Это подтверждает, что концепт как единица творческого процесса не может существовать без контекста. Мы разделяем точку зрения исследователя В.С. Адамовой, которая доказывает, что концепт «как элемент художественной философии реализуется в произведении, с одной стороны, как выражение авторского мышления, а с другой – самодостаточной системы со своими законами, над которой автор уже не властен» [1, с. 655].

ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ» В ЛИТЕРАТУРЕ 40-Х ГГ. XX В.

В военной и послевоенной прозе тема промышленности продолжает звучать достаточно громко, поскольку в эти годы промышленное производство было подчинено нуждам войны («всё для фронта, всё для победы»), происходила эвакуация тысячи предприятий на Урал и в Сибирь. По сути, предприятия были отстроены заново. Особенно ярко это отражается в романе «Вечный зов» (1971) Анатолия Иванова. Советские писатели в своих произведениях поднимали тему героического подвига тружеников тыла, обеспечивающих фронт всем необходимым. Тема восстановления страны и развития народного хозяйства с особенной силой звучала и в произведениях, в которых изображалась послевоенная действительность.

Всё также громко звучала и производственная тема. Создавались произведения не столько о людях, обладающих разными характерами, сколько о разных профессиях («Стахановцы» П. Шебунина, первая редакция «Горячего часа» О. Зив, «Металлисты» А. Былинова, «Новый профиль» А. Бека). «Эта тенденция, ведущая к обеднению характеров и к натуралистическому описанию техники, была подвергнута критике и опровергнута в процессе развития послевоенной литературы» [22].

Несмотря на верность индустриальной тематике, в ней появляются новые характеры и герои: инженеры, люди науки – и происходит смена объекта художественного изображения: от передовиков производства к передовикам научно-технической революции, учёным [5]. Это вызвано прежде всего тем, что наблюдалось изменение социального статуса рабочего, который в период ранней индустриализации воспринимался героем, а в период «оттепели» становится несколько второстепенной художественной фигурой. Начинает формироваться новая партийная и интеллектуальная элита, связанная с научным сообществом.

Послевоенная литература признана выполнять новые смысловые задачи, обусловленные началом научно-технической революции. Начинают воспеваться труд учёных, технический прогресс и новые достижения советской промышленности. Так, Б. Горбатов в «Донбассе» (1951) сообщает о новаторских методах угледобычи. Главные герои романа Виктор и Андрей оказыва-

ются в центре борьбы за новые методы труда. Писатель создаёт образы противников научного прогресса.

В произведении Е. Воробьёва «Высота» (1951) речь идёт о строительстве домны, у В. Кочетова в романе «Журбины» (1952) выделен переход на новые методы кораблестроения и т. д. Советская литература начинает повествовать об успехах советских инженеров: повесть Д. Гранина «Искатели» (1954), роман Г. Коновалова «Истоки» (1959), роман Г. Николаевой «Битва в пути» (1957). Несмотря на появление новых сюжетных линий, основная проблематика художественного произведения продолжает строиться вокруг элементарных, заурядных фактов жизни советских тружеников. Тривиальность героев становится очевидной, хотя появляется и ряд новых сатирических образов: бюрократ, «директор по профессии» Канунников, авантюрист Вертилин из романа А. Рыбакова «Водители» (1950).

И, несмотря на новые образы и появление новой цели – метафоризация научно-технического прогресса, – произведения производственного романа продолжают уступать в художественности. Кризис осложнялся и тем, что помимо схематизации литературного произведения, в котором зачастую лакировалась реальность и формализовались герои, советские литераторы не смогли почувствовать перемен в духовной жизни общества. Они заключались прежде всего в том, что понижались ценность производственного пафоса, острота и актуальность сюжетного конфликта, возникающего вокруг масштабных строек, освоения новых производств. Производство вышло на такой уровень развития технологий, которые характеризуются низкими производственными рисками. В результате литературные произведения перестали обладать драматизмом смертельной опасности, им на смену приходят рутинные сюжеты. Коннотация относительно грандиозного строительства принципиально меняется. Особенно это видно в романе Ю. Трифонова о прокладке оросительных каналов в Туркменистане «Утоление жажды» (1963): «Я ехал в пустыню потому, что у меня не было выхода. И я не любил её, и не думал о ней. Я вспоминал о другом» [26, с. 17]. Произведения уже не содержат героической тональности. «Утоление жажды» (1959) Ю. Трифонова и «Три минуты молчания» (1969) Г. Владимова раскрывают тему будничных заработков, «Атомград» (1966) М. Колесникова, «Большая руда» (1961) Г. Владимова рассказывают о бытовом обустройстве, «Своя ноша не тянет» (1959) В. Липатова повествует о борьбе с пристрастием к алкоголю и других вредных привычках.

Достаточно симптоматичной для того времени стала пьеса «Сталевары» (1973) Г. Бокарёва, рассказывающая о жизни уральских рабочих. Виктор Лагутин устраивается работать на крупный металлургический завод, где царят беспорядки: рабочие сдают некачественную сталь, срывают план по выпуску готовой продукции. Лагутин не готов с этим мириться, он действует решительно: садится за рычаги бульдозера и сносит пивную палатку у завода – рассадник пьянства и т. п.

В советских произведениях эпохи «оттепели» производственная доминанта уходит на второй план, авторы начинают поднимать совершенно иные вопросы: нравственные, социальные, духовные. Внутренний мир героев «оттепели» мучительно трагичен, они задаются иными вопросами, ценности индустриализации для них уходят на второй план, внимание советских писателей концентрируется на внутренней жизни героев-труженников, что, например, в раннем производственном романе расценивалось как нечто второстепенное относительно великого строительства.

Однако продолжают появляться и произведения, воплощающие гордость за национальную промышленность, например, поэма «Братская ГЭС» была написана Е. Евтушенко по впечатлениям от грандиозной стройки:

Скрипело солнце на крюке у крана,
спускаясь в глубь ангарской быстрины.
Стояла ГЭС, уже темнея справа
и вся в закате – с левой стороны. ...
И к поручням, притихшие, припали,
глазами по-отцовски заблестя,
строители, монтажники, прорабы, –
ведь это море было их дитя.
И худенькая женщина шептала,
забыв при всех приличья соблюдать,
припав щекой к тельняшке капитана:
«Ах, Паша, Паша, что за благодать!»
Мне в Братской ГЭС мерцающе раскрылся,
Россия, материнский образ твой [11].

Созидательный труд на Сталинградском тракторном заводе воспевается и в лирической поэме М. Луконина «Рабочий день».

Всё в поэме – и сменяющиеся в течение рабочего дня картины заводской жизни, в которых поэт хорошо использует разнообразные ритмы, и штрихами набросанные портреты рабочих в цехе, и лирический пейзаж наступающей весны – подчинено основной задаче: изображению молодого поколения рабочего класса [22].

Повседневному трудовому подвигу советских людей посвящена лирическая поэма С. Кирсанова «Вершина», где он воспевает труд сварщиков на высотной стройке, комбайнеров, проходчиц, соединяющих в кольцо тоннели метро, часовщиков, пускающих в ход сложный механизм часов.

Тем не менее всё чаще в советской литературе на смену индустриальному развитию приходят другие ценности, в частности материальные. «Есть такой экскаваторщик, Нагаев. Известный человек, о нем писали газеты, даже я сам писал ... Так вот, я у Нагаева спрашиваю: “Зачем, говорю, вы себя так

дьявольски изнуряете? Ведь работают, они, звери, без выходных и ночей не спят, жадность к этим самым кубам – лютая”. – “А что ж, говорит, пока рубль длинный, теряться не приходится”. Понятно? Я говорю о стимуле» [30, с. 91]. «Все врут, кроме Нагаева. А простофили вроде нас с тобой, у которых никогда ничего нет, говорят, что деньги – дерьмо» [30, с. 223]. «Смыслополагание “работа ради денег” для образа героя производственного романа эпохи “оттепели” становится разрушительным» [6, с. 41].

Таким образом, в годы «оттепели» трудовой героизм теряет привлекательность, а произведения не приобретают художественной ценности. Период конца 1940-х – начала 50-х гг. сегодня оценивается «как самое позорное время в истории советской литературы, никогда она еще так низко не опускалась» [17, с. 31]. На Втором Всесоюзном съезде писателей (1954) М.А. Шолохов в своей речи жёстко оценил состояние литературы: «Спору нет, достижения нашей многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок. Пора преградить дорогу этому мутному потоку, общими усилиями создав против него надежную плотину, – иначе нам грозит потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет» [4, с. 374].

«Художественная типизация» и «политическая мифологизация» в итоге привели к появлению гротескных, схематизированных персонажей. В результате снижалось эстетическое качество произведений. Искусственность эмоционального мира героя приводила к утрате читательского интереса, что, в свою очередь, сопровождалось потерей доверия к литературному слову. Нарочитая пропаганда в советской литературе, игнорирование запросов читательской аудитории, искусственность сюжета и характеров персонажей привели к тому, что жизнь производственного романа была краткосрочной, а читатель потерял к ней доверие. Образ промышленности не трансформировался под влиянием времени, не наполнялся для современников дополнительными аксиологическими характеристиками. С формальной точки зрения он был вписан в литературный дискурс, но из-за недостатка художественности был нежизнеспособным.

Концептуализация понятия промышленности в послевоенное время теряет свою концентрацию. Концепт «промышленность» остался по содержанию на уровне развития ранней индустриализации и был стереотипизирован художественными средствами, которые использовались для формирования образа промышленности в 1930-х – 1940-х гг.

КОНЦЕПТ «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Метод социалистического реализма для советских писателей был сдерживающей рамкой, за которую нельзя было выходить, он влиял на содержание и качество художественного текста. В результате талантливые писатели искали выход для развития своего творчества, а именно пробовали экспериментировать с жанрами. Речь идёт о научной фантастике, которая также на первых порах занималась романтизацией промышленной революции. Она формировала мечты о космосе, любовь к электричеству, к преодолению пространства. Научно-технический прогресс, который лёг в основу произведений научной фантастики, расширял горизонты, формировал желание покорять новые миры. «На пыльных тропинках далёких планет» (В. Войнович) процветали культ разума, прогресса, уверенность в возможностях науки и техники. В сюжетах фантастов можно заметить эстетизацию промышленности. Новый характер – инженер-изобретатель – появился именно в произведениях художественной фантастики, которая «выявила новую когорту советских глобализаторов – инженеров, строителей новой советской жизни» [17, с. 166]. А.Н. Толстой в центр внимания ставит именно эти образы. Он их исследует в произведениях «Аэлита» (1922–1923), «Союз пяти» (1924), «Гиперболоид инженера Гарина» (1927). В произведениях научной фантастики герои заряжены «позитивистским пафосом, преклонением перед силой просвещения» [16, с. 164]. Но нельзя сказать, что герои всей литературы как под кальку производят положительное впечатление. Образ промышленности в произведениях научной фантастики не всегда позитивен. В поздних произведениях он сливается с тоталитарным государством и становится метафорой государственной мощи. Она воспринимается как инструмент насилия. В анамнезе литературного произведения оказывается катастрофа [17, с. 167]. И преимущественно она связана с промышленной проблематикой. В целом пафос промышленности также меняется – от восторженного отношения к научно-техническому прогрессу к убеждению, что промышленность связана с государством, а значит, наделена всеми его негативными характеристиками. Промышленность и научно-технический прогресс воспринимаются как возможность осуществлять государственное насилие всё более эффективно. С точки зрения формирования концепта «промышленность» произведения научно-художественной фантастики во многом обогатили его категоризацию. Благодаря этим произведениям была предпринята попытка сформировать представление о промышленности как о сильной, крупной, развитой, отчасти технологичной. Но прежде всего государственной, обслуживающей интересы страны.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Параллельно жанрам социалистического реализма и научной фантастики развивался также жанр деревенской прозы, появились так называемые

писатели-деревенщики. Они исследовали жизнь на селе и противопоставляли её государственному технократизму и воспеванию жёстко проводимой промышленной политики. Именно эти произведения добавили достаточно весомый семантический пласт к образу промышленности: так в советской литературе появились произведения, содержащие экологическую тематику. Среди писателей стоит выделить следующих – Ф. Абрамов, С. Залыгин, Б. Можаев, Е. Носов, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, В. Солоухин и др.

К 70-м гг. из деревенской прозы полностью ушли «хозяйственно-экономические» темы, на первом же плане оказались проблемы экологии, конфликт человека и природы. Значимой в «экологической» тематике литературы о русской глубинке стала тема боли и отчаяния жителя деревни, отторгнутого от своих корней волею судеб или добровольно сделавшего выбор в пользу чуждого «природному» образа жизни и образа мысли. Об этом и повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой», и рассказ А. Солженицына «Матрёнин двор», и северная сказка Ф. Абрамова «Жила-была сёмужка», и одно из наиболее значимых творений деревенской прозы, стоящее несколько особняком в литературном наследии 70-х гг., – цикл В. Астафьева «Царь-рыба» [12, с. 126].

Повести «Прощание с Матёрой» и «Пожар» Валентина Распутина стали отправной точкой в развитии экологической темы, в том числе и в публицистике. Многие учёные, писатели, деятели культуры и журналисты начали задумываться, не слишком ли дорогой ценой достаётся научно-технический прогресс. Сквозной темой становится противопоставление прогресса и природы. «Надо – значит, надо, но, вспоминая, как будет затоплена земля, самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами и вскормившая не одно поколение, недоверчиво и тревожно замирало сердце: а не слишком ли дорогая цена? Не переплатить бы? Не больно терять это только тем, кто тут не жил, не работал, не поливал своим потом каждую борозду» [25]. Валентин Распутин утверждает, что человек является частью природы, а потому не может быть победителем. Как точно подмечает С.Ю. Королёва, «вынужденное переселение матёринцев, вызванное строительством Братской ГЭС, ... прочитывается как “изгнание из рая”» [15, с. 82].

Научно-технические достижения и развитие промышленности являются заведомо проигрышными, если они направлены против природы. К такому выводу приходит Валентин Распутин. Тема защиты природы и критика её промышленного покорения наиболее ярко были развиты им в очерке «Байкал», в котором он открыто выступает с критикой строительства целлюлозно-картонного комбината. В 1986 г. в газете «Известия» выходит его публицистическая статья «Байкал у нас один», ставшая зеркалом его гражданской позиции, отражающей борьбу за чистоту озера [19, с. 90].

Проблема сохранения природы и ограничения работы промышленных гигантов в творчестве В.Г. Распутина представлена достаточно широко, он переводит этот конфликт в онтологическую плоскость: рассматривает при-

роду как космос, неизмеримо превосходящий человека, идеал гармонии. Природа становится силой, направляющей человека и придающей смысл его существованию, а промышленное развитие противопоставляется природе.

Тема промышленного развития в советской литературе проходит контрапунктом, прежде всего это связано с индустриальным развитием государства. Данный образ был представлен достаточно широко как в производственном романе, научной фантастике, так и в произведениях, содержащих экологическую тематику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение всего периода советской литературы наблюдается эволюция концепта «промышленность». Если на заре индустриализации промышленная политика государства героизируется, то в поздних советских произведениях она наделяется качествами молоха. Зафиксирована динамика смены интереса к сюжетам на тему производства: от восторга первых лет советского государства до отрицания в деревенской прозе.

Тем не менее формирование концепта «промышленность» в советской литературе выступает уникальным явлением, ни одна предыдущая и будущая эпоха не наградила такими элементами художественности образ промышленности. Безусловно, его формированию способствовала внешняя и внутренняя конъюнктура, это было обусловлено целями индустриальной модернизации страны, перед литературой стояла пропагандистская задача сформировать готовность народа к бескорыстному труду. Однако недолгая литературная жизнь производственного романа во многом связана с тем, что он стал заложником внешних идеологических факторов: когда политические задачи ставятся выше художественных, образ не складывается.

Главными его недостатками стали: избыток индустриализации, производственные проблемы исключали проблемы человеческие, личность показывалась зачастую как иллюстрация производственно-общественной функции, при этом забывались или умалчивались социальные, нравственно-психологические вопросы.

Концептуально-культурологический анализ показал, что за образами промышленности, представленными в советской литературе, стоял художественный концепт, который концентрировал в себе максимальное содержание, превращая сухой образ промышленности в художественный. Советские писатели как носители и как представители языка и культуры воспринимали промышленность в рамках той окружающей среды, в которой находились. Образ промышленности кодировался в концепт под влиянием авторского создания, тех проблем, которые авторам казались значимыми, а также внешних условий. Поскольку концепт в отличие от образа существует не только в рамках авторского сознания, которое, безусловно, оказывается решающим, но и в рамках существующего дискурса, именно последний формирует пони-

мание художественного мира произведения и превращает авторский образ в концепт. Именно так сталкивается художественное пространство, которое формируется автором, и пространство, в котором существует само произведение. Так образ превращается в концепт, а вместе с тем и в новую форму бытия и новую форму мысли. Таким образом, советский дискурс, сначала способствовавший концептуализации образа промышленности, в итоге стал ограничивающей системой его развития и не позволил концепту «промышленность» обрести полноценными аксиологическими характеристиками. Образ промышленности законсервировался, а нарочитая пропаганда в советской литературе ценностей опережающей индустриализации во многом объясняет потерю доверия к художественному слову – и, как следствие, динамическая система развития концепта потеряла свою энергию.

В связи с этим концепт «промышленность» был наделён довольно узким набором характеристик: крупная, мощная, опасная для жизни, не экологичная. Промышленность отождествлялась с государством, особенно сильно это подчёркивается в произведениях научной фантастики. Военная и послевоенная литература привнесли в концепт «промышленность» сюжет работы фабрик и заводов на оборону государства. Тема освоения природы, часто звучавшая в произведениях советских классиков, акцентировала внимание ещё на одном аспекте промышленности – экологическом. Но описание технологичного и сложного развитого производства пришлось на тот период советской литературы, когда производственный роман уже не имел широкого влияния на аудиторию. В связи с этим данные характеристики в концепте не были представлены полноценно и не получили развития. Односложность развития концепта «промышленность» во многом связана с тем, что советская литература сформировала достаточно линейный образ промышленного производства, который стереотипизировался и стал частью публичного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамова В.С. Художественный концепт как единица творческого процесса в литературоведческом осмыслении [Электронный ресурс] // Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология», Москва, 14–15 апреля 2011 г. URL: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/29.pdf> (дата обращения: 25.09.2017).
2. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового времени» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 326–328.
3. Брик О. Не теория, а лозунг // Печать и революция. 1929. № 1. С. 3–34.
4. Второй Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчёт. М., 1956. 608 с.
5. Гаганова А.А. Влияние публицистики на художественность производственного романа // Вестник Ленинградского государственного универси-

- тета им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 31–37.
6. Гаганова А.А. Эволюция мотивации героя как результат жанровой конвергенции социального очерка и производственного романа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. № 3. С. 35–42.
7. Гаганова А.А. Дефицит психологизма литературных характеров как причина жанрового кризиса производственного романа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 58–68.
8. Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1971. 304 с.
9. Гастев А.К. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 35–45.
10. Горький М. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 13. Письма. М.: Наука, 2007. 360 с.
11. Евтушенко Е. Братская ГЭС // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4914> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Звильинская Л.А., Икитян Л.Н. Реализация компетентностного подхода при освоении деревенской прозы: контексты понимания и изучения цикла В. Астафьева «Царь-рыба» // Крымский научный вестник. 2015. № 4–2. С. 119–135.
13. Калинин М.И. О литературе // Сборник статей и высказываний / М.И. Калинин; сост., авт. вступ. статьи и примеч. И.С. Эвентов. Ленинград: Лениздат, 1949.
14. Кетлинская В.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1978. 663 с.
15. Королева С.Ю. Мифологическая универсалия «мирового древа»: функционирование знака/образа/символа в пространстве традиционной культуры и художественного текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_koroleva1.htm (дата обращения: 28.08.2017).
16. Кузьмина В.М. Влияние творчества поэтов и писателей на формирование новой системы ценностей советского человека в период индустриальной модернизации // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 1 (17). С. 92–96.
17. Ланин Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 161–169.
18. Маяковский В.В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 128–131.
19. Меринов В.Ю., Карпенко И.И. Тема экологии в творчестве В.Г. Распутина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 20. № 27 (170). С. 85–92.
20. Нагапетова А.Г. Послевоенная «производственная проза»: конфликты и перспективы ее развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 134–138.

21. Островский Н.А. Как закалялась сталь. М., 1982. 382 с.
22. Очерк истории русской советской литературы: в 2 ч. / под ред. В.А. Ковалева [Электронный ресурс]. URL: <http://3.www.biografia.ru/arhiv/ochlit30.html> (дата обращения: 15.08.2017).
23. Паустовский К.Г. Кара-Бугаз // Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1: Романы и повести: [Романтики. Блистающие облака. Кара-Бугаз. Колхида]. М.: Худож. лит., 1967. 631 с.
24. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести. М., 1981. 623 с.
25. Распутин В.Г. Прощание с Матерой [Электронный ресурс] // Библиотека М. Машкова: [сайт]. URL: <http://lib.ru/PROZA/RASPUTIN/matera.txt> (дата обращения: 14.08.2017).
26. Трифонов Ю. Утоление жажды. М.: Художественная литература, 1967. 383 с.
27. Хватов А. Пути изображения характера // Нева. 1959. № 7. С. 199–206.
28. Хватов А. Александр Малышкин: жизненный путь и художественные искания писателя. Л.: Художественная литература, 1985. 240 с.
29. Янов А. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов // Новый мир. 1972. № 7. С. 232–261.
30. Ясенский Б. Человек меняет кожу. Л.: Лениздат, 1980. 386 с.

REFERENCES

1. Adamova V.S. [Artistic concept as a unit of the creative process in literary comprehension]. In: *Sektsiya «Filologiya» Materialy XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov»*. *Sektsiya «Filologiya», Moskva, 14–15 aprelya 2011 g.* [Proceedings of XVIII International conference of students, postgraduates and young scientists “Lomonosov”. Section “Philology”, Moscow, April 14–15, 2011]. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/29.pdf> (accessed: 25.09.2017).
2. Bakhtin M.M. [Response to the question of the editors of “The New Time”]. In: Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, pp. 326–328.
3. Brik O. [Not a theory, but a slogan]. In: *Pechat' i revolyutsiya* [Publishing and revolution], 1929, no. 1, pp. 3–34.
4. *Vtoroi Vsesoyuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei: stenograficheskii otchet* [Second all-Union Congress of Soviet writers: stenographic report]. Moscow, 1956. 608 p.
5. Gaganova A.A. [The impact of journalism to the artistry of the production of the novel]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2013, no. 1, pp. 31–37.
6. Gaganova A.A. [Evolution of the motivation of the hero as a result of the convergence of the social genre of the essay and the production of the novel]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2013, no. 3, pp. 35–42.
7. Gaganova A.A. [The deficit of the psychology of literary characters as a cause

- of the crisis of the genre production of the novel]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2014, no. 1, pp. 58–68.
8. Gastev A. *Poeziya rabochego udara* [Poetry of the working stroke]. Moscow, 1971. 304 p.
9. Gastev A.K. [On the tendencies of proletarian culture]. In: *Proletarskaya kul'tura* [Proletarian culture], 1919, no. 9–10, pp. 35–45.
10. Gor'kiy M. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 13. Pis'ma* [Complete works. Vol. 13. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 360 p.
11. Evtushenko E. [The Bratsk hydroelectric power station]. In: *Otkrytyi tekst: elektronnoe periodicheskoe izdanie* [Plaintext: E-periodical]. Available at: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4914> (accessed: 20.09.2017).
12. Zwolinska L.A, Titan L.N. [Realization of the competence approach in mastering rural prose: the contexts of understanding and studying the cycle of V. Astafiev "Tsar'-ryba"]. In: *Krymskii nauchnyi vestnik* [Krymskii nauchnyi vestnik], 2015, no. 4–2, pp. 119–135.
13. Kalinin M.I. [About literature]. In: *Sbornik statey i vyskazyvaniy* [Collection of articles and sayings]. Leningrad, Lenizdat Publ, 1949.
14. Ketlinskaya V.K. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected works. Vol. 1]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ, 1978. 663 p.
15. Koroleva S.Yu. *Mifologicheskaya universaliya «mirovogo dreva»: funkcionirovanie znaka/obraza/simvola v prostranstve traditsionnoi kul'tury i khudozhestvennogo teksta* [Universal mythological "world tree": the sign/image/symbol in the space of traditional culture and the literary text]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_koroleva1.htm (accessed: 28.08.2017).
16. Kuz'mina V.M. [Influenced by the work of poets and writers in the formation of a new system of values of a Soviet person in the period of industrial modernization]. In: *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: Electronic scientific journal of Kursk State University], 2011, no. 1 (17), pp. 92–96.
17. Lanin B.A. [The Russian utopia, dystopia and science fiction in a new socio-cultural context]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2014, no. 1, pp. 161–169.
18. Mayakovskiy V.V. [Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk]. In: *Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 10* [Collected works. Vol. 10]. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ., 1958, pp. 128–131.
19. Merinov V.Yu., Karpenko I.I. [Theme of ecology in V.G. Rasputin's creative activity]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitanye nauki* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: The humanities], 2013, vol. 20, no. 27 (170), pp. 85–92.
20. Nagapetova A.G. [The post-war "production prose": conflicts and prospects of its development]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 2008, no. 10, pp. 134–138.
21. Ostrovskii N.A. *Kak zakalyalas' stal'* [How the steel was tempered]. Moscow, 1982. 382 p.

22. Kovalev V.A., ed. *Ocherk istorii russkoi sovetskoi literatury* [Essay on the history of Soviet Russian literature]. Available at: <http://3.www.biografiya.ru/arhiv/ochlit30.html> (accessed: 15.08.2017).
23. Paustovskiy K.G. Kara-Bugaz // Paustovskiy K.G. *Sobraniye sochineniy: v 8 t. T. 1: Romany i povesti*: [Romantiki. Blistayushchiye oblaka. Kara-Bugaz. Kolkhida]. M.: Khudozh. lit., 1967. 631 p.
24. Paustovsky K.G. *Sobranie sochinenii. T. 1. Romany i povesti* [Collected works. Vol. 1. Novels and stories]. Moscow, 1981. 623 p.
25. Rasputin V.G. [Farewell to Matera]. In: *Biblioteka M. Mashkova* [Library of M. Mashkov]. Available at: <http://lib.ru/PROZA/RASPUTIN/matera.txt> (accessed: 14.08.2017).
26. Trifonov Yu. *Utolenie zhazhdy* [Quenching the thirst]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967. 383 p.
27. Khvatov A. [The way the character is depicted]. In: *Neva*, 1959, no. 7, pp. 199–206.
28. Khvatov A. *Aleksandr Malyshkin: zhiznennyi put' i khudozhestvennye iskaninya pisatelya* [Alexander Malyshkin: life and artistic searching of the writer]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 240 p.
29. Yanov A. [The movement of the young hero. Sociological notes on the prose of the 1960s]. In: *Novyi mir*, 1972, no. 7, pp. 232–261.
30. Yasenskii B. *Chelovek menyaet kozhu* [Man changes the skin]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 386 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 26.10.2017

Статья размещена на сайте: 22.02.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Родина Валерия Владимировна – кандидат политических наук, журналист государственной телевизионной и радиовещательной компании «Калининград»; e-mail: velnews@mail.ru

Valeria V. Rodina – PhD in Political sciences, journalist of the state television and radio company “Kaliningrad”; e-mail: velnews@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Родина В.В. Развитие концепта «промышленность» в советской литературе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Rodina V.V. Development of the concept “industry” in the soviet literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru